

Молитва о России в её смертный час

Мари и Сергей Венгерovy

Продолжаем путешествие по полкам нашей семейной книжной коллекции. Было бы странно, если бы там не нашёлся автограф Ильи Эренбурга, одного из самых многогранных и противоречивых отечественных литераторов XX века.

«Многие из моих сверстников оказались под колёсами времени. Я выжил — не потому, что был сильнее или прозорливее, а потому, что бывают времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею», — писал о себе Илья Григорьевич Эренбург в своей знаменитой книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» (1961).

Его судьба точно не разыграна «по всем правилам». Да и есть ли они у неё? Пьянящий воздух свободы начала XX столетия захватил его до такой степени, что Эренбург сначала вынужден был уехать за границу от преследований в царской России. Вернувшись после Февральской революции, он несколько раз только чудом избежал смерти, став ярким антибольшевиком, и снова должен был бежать из своей страны.

Через небольшое время, благодаря школьной дружбе со своим одноклассником Николаем Бухариным (судьба!), в тот момент одним из главных идеологов партии большевиков, Илья Григорьевич начал сотрудничать с советскими печатными

▼ Илья Эренбург.
1900-е годы

изданиями. И это продолжалось почти двадцать лет. И только после захвата Парижа нацистской Германией Эренбург возвратился на постоянное жительство в Москву.

Именно он, Илья Эренбург, первым в русской литературе употребил словосочетание «День Победы» — оно появилось 12 декабря 1941 года в его статье «Судьба Победы», опубликованной в газете «Московский железнодорожник» («Когда настанет День Победы, наши бойцы первые вспомнят о железнодорожниках...»). Ему же принадлежит авторство (совместно с Константином Симоновым) лозунга «Убей немца!», который широко использовался в агитационных плакатах и листовках с цитатами из его статьи «Убей!» (опубликована 24 июля 1942 года).

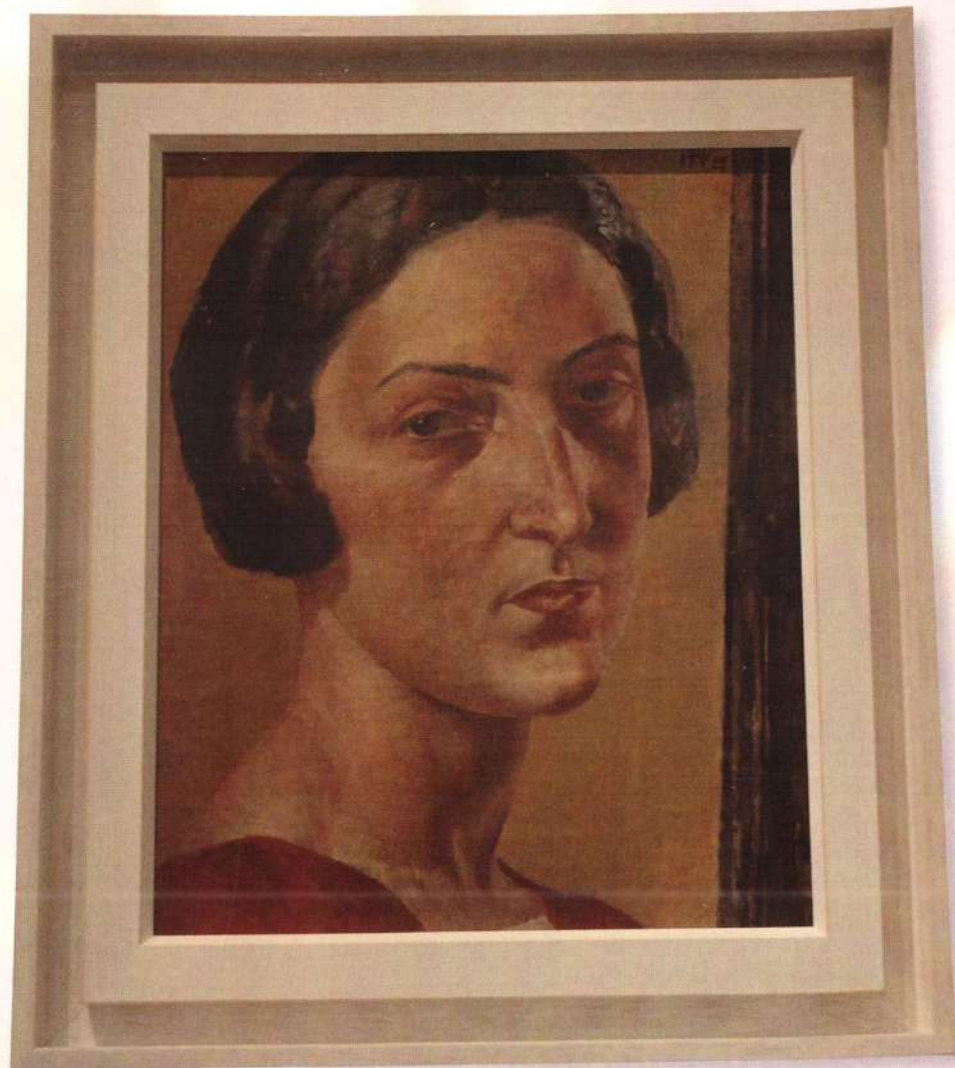
Гитлер лично распорядился поймать и повесить писателя

В советских газетах того времени были даже созданы специальные рубрики, где публиковались письма-отчёты советских бойцов о количестве убитых ими немцев и способах их уничтожения.

Адольф Гитлер лично распорядился поймать и повесить писателя, объявив его в январе 1945 года злейшим врагом Германии, а нацистская пропаганда присвоила Эренбургу прозвище «домашний еврей Сталина»...

Вот так сложилась судьба писателя — антимонархист, потом противник большевизма, уверовавший в конце концов в «советского человека» и «верную дорогу», которой нас ведут партия и правительство.

В нашем коротком рассказе мы взглянем на события, которые на долгие десятилетия определили жизненный и семейный уклад Эренбурга. Речь о том, как зарождались его отношения с женщиной, продолжавшиеся почти 50 лет. Нам поможет в этом автограф, появившийся тогда, когда ещё никто не догадывался, через какие испытания

▲ Любовь Михайловна Эренбург. Кузьма Петров-Водкин, 1924 год

пройдут молодые влюблённые в то непредсказуемое время первой половины XX века.

Если вернуться к молодым годам Ильи Григорьевича, он, как и многие люди его возраста, активно участвовал в революционном движении. В 1908 году был арестован в Москве за участие в социал-демократическом кружке и после освобождения вынужден был уехать за границу, чтобы избежать нового ареста. Куда податься политэмигранту, как не в Париж?! Там Эренбург вращался в среде художников Монпарнаса, дружил с будущими знаменитостями европейского авангарда, включая Пабло Пикассо и Гийома Аполлинера. Там же в 1910 году вышла в свет и его первая книга, которая называлась весьма незатейливо: «Стихи».

После начала Первой мировой войны Эренбург начал работать как военный корреспондент для нескольких российских изданий. И только после падения царского режима, когда Временное правительство объявило политическую амнистию, он смог вернуться в Россию. Февральскую революцию Илья Григорьевич, как и большинство его соратников по перу, приветствовал с большим воодушевлением, однако с негодованием отверг октябрьские события.

Зимой-весной 1917-1918 годов в нескольких московских газетах были напечатаны его статьи с резкой критикой как руководителей партии большевиков (Ленина, Каменева, Зиновьева), так и методов её работы. А в ответ

на появление Декрета о печати, который вводил жёсткую цензуру и ограничивал свободу слова, многие известные писатели, в том числе Константин Бальмонт, Иван Бунин, Максимилиан Волошин, Алексей Толстой, в первой половине декабря 1917 года издали однодневную газету под названием «Слову — свобода!». В ней принял участие и Илья Эренбург.

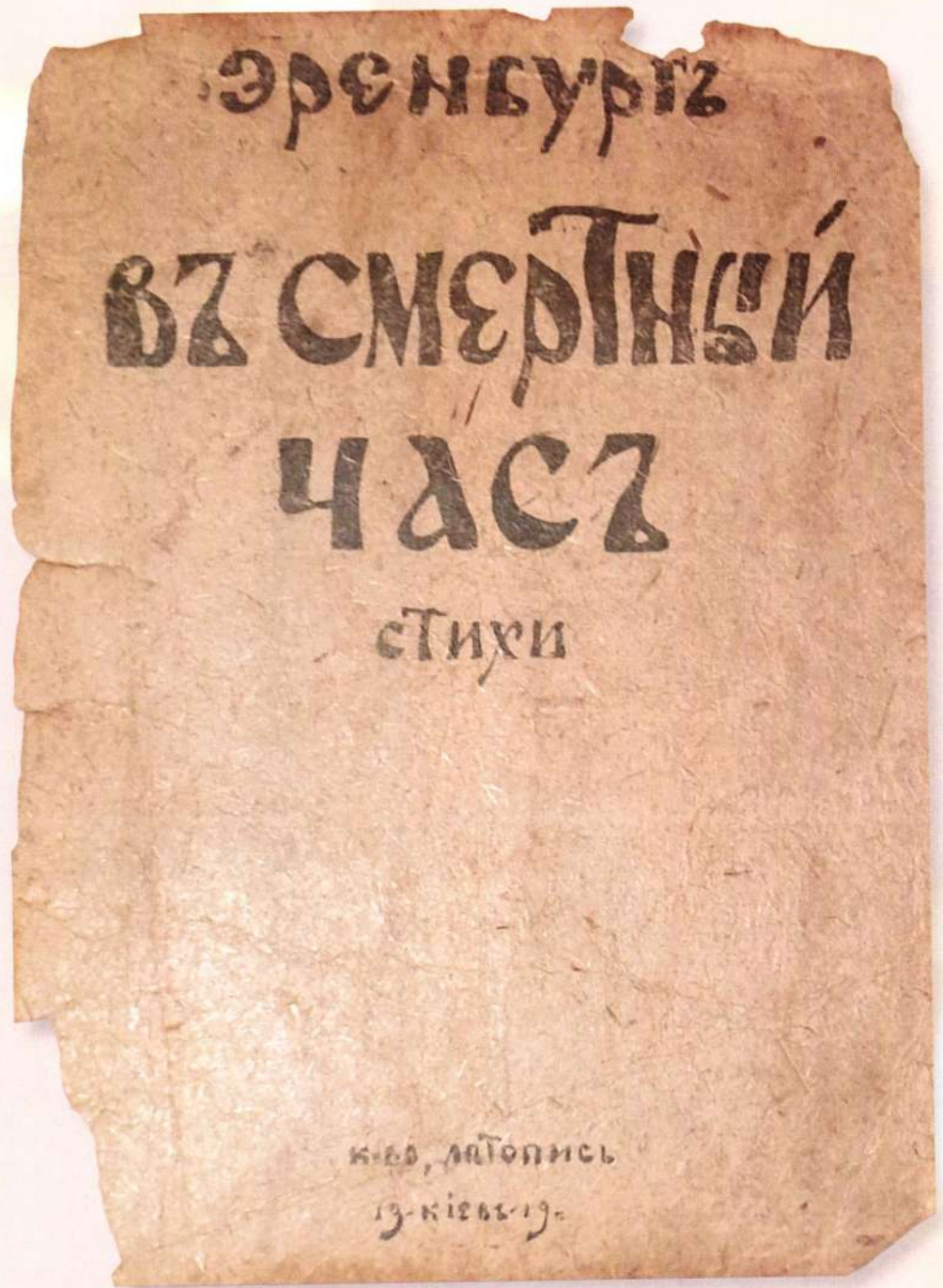
Восприятие Эренбургом «гноси и мерзости» революции отразилось в изданном в начале 1918 года в Москве знаменитом поэтическом сборнике «Молитва о России», где нарастающий хаос в стране принимает образ умирающей матери, над которой глумятся большевистские варвары.

Эренбург под угрозой ареста вынужденно бежал в Киев

После покушения на Ленина Фанни Каплан, за которым последовал беспощадный массовый красный террор, Эренбург под угрозой ареста вынужденно бежал в Киев, к тому моменту захваченный Добровольческой армией генерала Деникина. Там жили родственники писателя — семья двоюродной сестры Анны Григорьевны Лурье (в замужестве Козинцова). Именно тогда уже вполне взрослый 27-летний Илья Эренбург познакомился со своей двоюродной племянницей — Любовью Михайловной Козинцовой, которой на тот момент было девятнадцать. Её семья радушно приняла своего родственника. В самом начале января 1919 года по новому стилю (конец 1918-го по старому) в Киеве выходит дополненное издание книги «Молитва о России», в которой

автор меняет название на «В смертный час» и добавляет несколько новых стихотворений. Один экземпляр

▲ Обложка книги стихов Эренбурга. Датирована 1919 годом

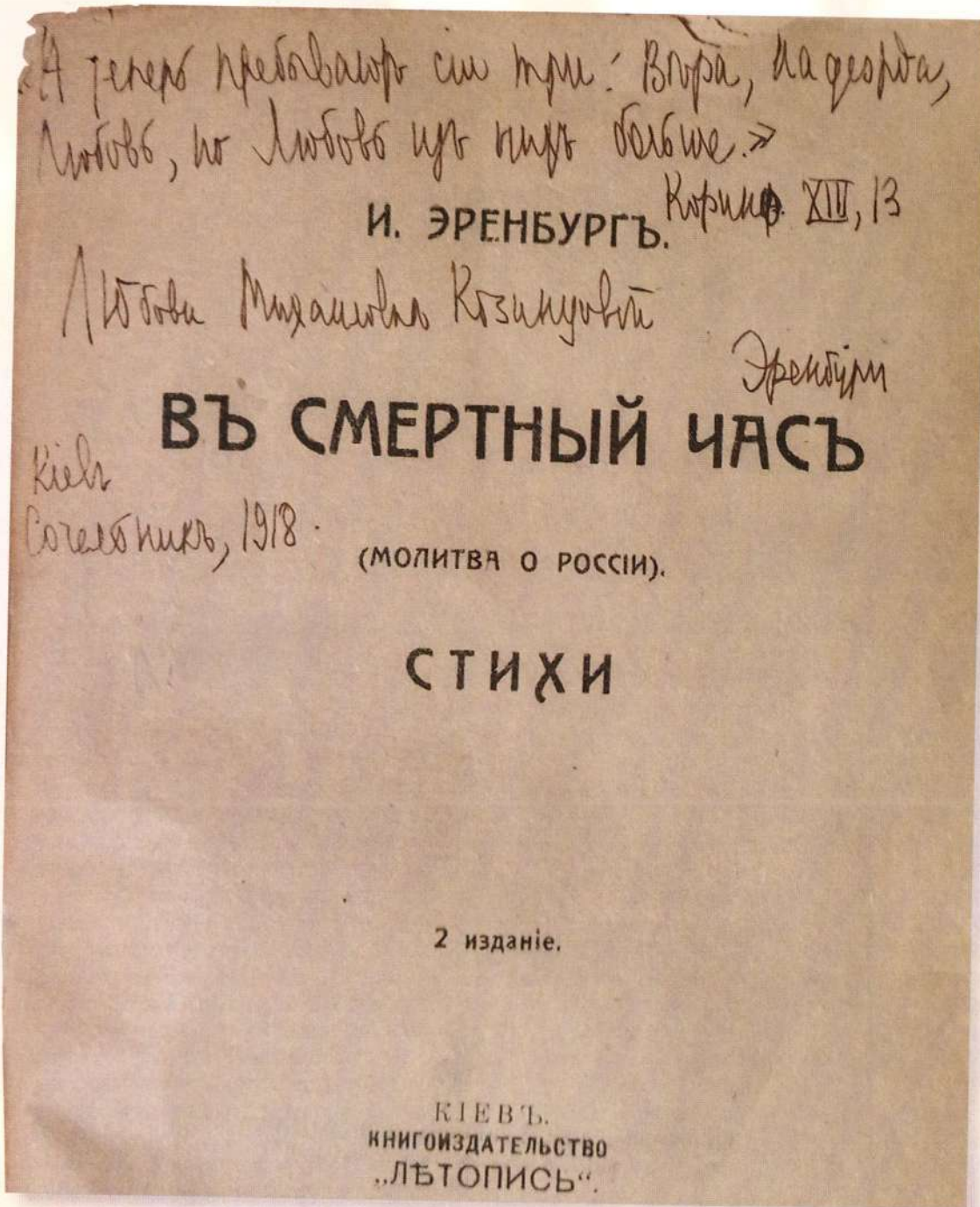

«Российская республика быстро сняла свой подвенечный наряд. Торжественные дни её побед сменились днями незабываемых ужасов, днями кровавого пира, насилий, гражданской войны и развала всей страны. Великие заповеди свободы подвергаются сомнению. И ненавистнее всех других свобод становится для новых властителей над землёй русской свобода слова, свобода печати...»

Из передовой статьи газеты «Слову — свобода!»

Эренбург преподносит своей возлюбленной с невероятно трепетным и изящным признанием в чувствах, используя для этого цитату из «Первого послания к Коринфянам» апостола Павла — гимн любви и духовности:

«А теперь пребывают сии три: Вера, Надежда, Любовь; но Любовь из них больше» Коринф XIII, 13. Любви Михайловне Козинцовой. Эренбург. Киев Сочельник 1918»

Но родственники (в частности, мать Любои Козинцовой и её окружение) начали разыскивать Эренбурга. В его воспоминаниях отмечается, что сама Люба металась по вечернему Киеву, пытаясь выяснить, где он находится. Семья будущей жены писателя имела в Киеве довольно широкий круг знакомых и связи в городской среде, и вскоре через знакомых удалось узнать, куда его отвели. Благодаря вмешательству и ходатайствам разных людей Ильё Григорьевича освободили — и он чудом уцелел. Впоследствии история произвела такое сильное впечатление на современников, что Осип Мандельштам в одном из своих поздних стихотворений упоминал женщину, которая ночью ищет мужа по городу, — исследователи связывают этот образ именно с Любой Козинцовой, разыскивающей Эренбурга во время киевских беспорядков.

13 августа 1919 года состоялась свадьба Ильи и Любы, за которой последовали долгие годы переездов из страны в страну, в эмиграцию и на Родину.

До 1924 года экземпляр книги «В смертный час» сопровождал молодых, пока волей случая не оказался в Берлине в архиве знаменитого издателя Абрама Вишняка, в доме которого часто останавливался Эренбург. Разорившись, Вишняк со всей своей библиотекой был вынужден перебраться из Берлина в Париж, где и оставался до своего ареста и гибели в концлагере после оккупации французской столицы немецкими войсками.

И снова повторим: «рукописи не горят». Книга осталась жить в семье друзей сына Абрама Вишняка, пока, наконец, не попала в наши руки. Но это другая история. ▼

К середине 1919 года обстановка в Киеве резко стала ухудшаться. Семье Козинцовых удалось буквально спасти Эренбурга от расстрела после задержания на улицах города военным патрулем. В те месяцы город несколько раз переходил из рук в руки, и жизнь людей зависела буквально от случайности. Причин для подозрений было несколько: он был интеллигент-литератор, часто выступал и публиковался, к тому же был евреем, что в обстановке 1919 года в Киеве

▲ Автограф Эренбурга. 1918 год

делало положение особенно опасным из-за погромов и антисемитских настроений. В такие дни задержанных нередко расстреливали без суда как «большевиков», «шпионов» или просто подозрительных людей.

Эренбурга отвели в комендатуру. Его судьба могла решиться очень быстро — такие задержания часто заканчивались расстрелом на месте.